

УДК 35.075.2(091)(47+57)“192”

**ФОРМЫ ВНЕШТАТНОЙ АКТИВНОСТИ
В АППАРАТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ СССР В 1930-Е ГОДЫ**

Белоногов Юрий Геннадьевич

канд. полит. наук

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция основных форм развития внештатной активности в рамках аппаратной деятельности местных партийных органов на протяжении 1930-х годов. Автор связывает курс на развитие «общественных начал» со структурными реорганизациями партийного аппарата. Однако институциональное развитие внештатной активности в данный период не выходило за рамки уставных требований к «партийной нагрузке».

Ключевые слова: общественные поручения; партийный аппарат; внештатные инструкторы; Устав ВКП(б); резерв кадров.

FORMS OF NON-STAFF ACTIVITY IN THE PARTY DEVICE OF LOCAL AUTHORITIES OF USSR IN THE 1930th YEARS

Belonogov Yuri Gennadyevich

candidate of political sciences

Perm national research polytechnical university, Perm

Abstract. In article evolution of the main forms of development of non-staff activity within hardware activity of local party bodies throughout the 1930th years is analyzed. The author connects a course on development of «the public activity» with structural reorganization of the party device. However institutional development of non-staff activity during this period wasn't beyond authorized requirements to «party loading».

Key words: public instructions; party device; non-staff instructors; Charter of All-Union Communist Party (bolsheviks); reserve of shots.

В связи с курсом на развернутое строительство коммунизма, закреплённом в принятой в 1961 году третьей Программе КПСС, в практической деятельности местных органов политической администрации стала реализовываться новация, связанная с переводом работы партийного и советского аппарата власти на «общественные начала». Данное направление политической реформы Н.С. Хрущёва позволяло массам и околоэлитным группам через многообразные формы внештатной активности опосредованно оказывать серьёзное воздействие на процесс принятия управленческих решений на местном уровне власти. Под институтом общественных начал автор в широком смысле понимает многообразные формы общественной активности населения в организаци-

онной работе штатного аппарата органов власти, а также формальные и неформальные практики реализации общественных инициатив через властные структуры [1, с. 24].

Институт общественных начал был официально зафиксирован именно в Уставе КПСС, принятом на XXII съезде партии. Так, § 42 этого Устава КПСС предусматривал «широкое вовлечение коммунистов в проведение партийной работы в качестве внештатных работников в порядке общественной деятельности». § 52 Устава КПСС детализировал формы внештатной активности на местном уровне партийной иерархии: «Окружной, городской, районный комитет имеет внештатных инструкторов, создает постоянные или временные комиссии по различным вопросам партийной работы и использует другие формы привлечения коммунистов к деятельности партийного комитета на общественных началах» [2, с. 75, 85].

Между тем, привлечение внештатных работников к повседневной деятельности органов местной политической администрации было характерно как для довоенного, так и военного периодов советской истории, правда, в значительно меньших масштабах. Особый интерес представляет период 1930-х годов, на протяжении которого существенно изменялась функциональная роль партийных органов в политической системе «сталинизма» и, следовательно, формы привлечения населения к внештатной активности на местном уровне партийной иерархии.

На протяжении 1930-х годов организационная структура партийного аппарата дважды (в 1930 и 1934 годах) подверглась крупным и принципиальным реорганизациям. Все остальные проходившие на протяжении 1930-х годов преобразования партийного аппарата были реализованы в основном как дополнение к обозначенным двум перестройкам [3, с. 122]. По справедливому мнению В.И. Ткачева, реорганизация структуры партийных органов в изучаемое время отражала тенденцию усиления роли партийного аппарата вследствие перехода от политических к административным методам управления [4, с. 369].

В этой связи автору показалось интересным проследить взаимосвязь изменений функций, структурного построения местного партийного аппарата, с одной стороны, и формат привлечения внештатных работников к партийной работе, с другой стороны. Данная проблема интересна тем, что «внештатный актив» традиционно рассматривается как бассейн рекрутирования на должности партийного аппарата и, более широком смысле, в номенклатуру партийного комитета. Внештатная деятельность выступала для околономенклатурных групп (для обозначения этих политических групп в советское время широко использовались термины «актив» и «резерв для выдвижения») как своеобразный механизм социального лифта для последующего продвижения по номенклатурной лестнице.

Если позднесоветский период в рамках указанной проблемы исследован более полно [например, см.: 5, с. 53-60], то внештатная активность «периода сталинизма» все еще оказывается малоизученным явлением. Даже в 1960-е годы, в пик развития института общественных начал, исследователи изредка обращались к проблеме истоков, к 1920-1930-м годам, однако данный сюжет все же не являлся самостоятельным и поэтому рассматривался очень иллюстративно. Так, В.И. Железин просто указывал, что в 1920-е годы большую роль в работе партийных органов играли внештатные коллегии, функционировавшие при отделах местных и региональных парткомов, постоянные комиссии партийных комитетов. В них входили как работники аппарата соответствующих партийных комитетов, так и рядовые коммунисты. «В годы культа личности Сталина этот прогрессивный процесс был искусственно заторможен, – констатирует исследователь. – Однако и в те годы партийная работа велась в основном на общественных началах» [6, с. 12]. Отсутствие научных работ, посвященных анализу институту внештатной активности в деятельности аппарата местных органов политической администрации, в наибольшей степени приближенной к массам, заставляет восполнить данный пробел.

При написании статьи были задействованы нормативно-правовые и делопроизводственные документы КПСС (Уставы, стенограммы и резолюции партийных пленумов и съездов), аппарат которой превратился в важное звено бюрократической системы управления советским обществом. Не менее важным источником стали публикации центрального периодического издания ЦК ВКП(б) – журнала «Партийное строительство» (в частности, были изучены передовые статьи, публикации отдела партийной жизни, хроники деятельности партийных организаций, официальные справки). На его страницах целенаправленно обсуждались вопросы внутривнутрипартийной жизни, в том числе и по практике привлечения внештатных работников к деятельности партийного аппарата. Субъектами данных обсуждений являлись партийные работники всех ступеней партийной иерархии: от инструктора территориального парткома до регионального партийного руководителя и ответственного работника аппарата ЦК ВКП(б). И хотя формат статей в большей степени напоминал самоотчеты о проделанной работе, тем не менее, высокопоставленные партийные работники в порядке «обмена опытом» излагали свое понимание решения проблемы работы с внештатным партийным активом.

Необходимо заметить, что курс на развитие внештатной активности как результат некоторого сокращения численности партийного аппарата был задан еще в конце 1920-х годов. Так, Постановление ЦК ВКП(б) «О рационализации аппарата местных партийных и комсомольских организаций» от 2 января 1928 года предполагало уточнение функций партийных структур, некоторое упрощение организационной структуры, а также сокращение штатов и более широкое привлечение партийного актива к работе партийного аппарата на общественных началах [4, с. 368]. Однако данная реорганизация не предполагала изменений в принципах построения организационной структуры управления.

В 1930 году была осуществлена перестройка уже по функциональному признаку (в соответствии с функциональным построением партий-

ного аппарата, при нем создаются отделы для реализации важнейших функций именно партийной работы; в этом случае они осуществляют связь со всеми партийными организациями, но в рамках только своих функций). Организационная перестройка шла сверху вниз: от ЦК ВКП(б) к местным партийным комитетам. Начало было положено постановлениями ЦК ВКП(б) от 5 и 26 января 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)». Суть перестройки сводилась к трем основным моментам: дифференциация работы аппарата по функциональному признаку; сосредоточение внимания всех его звеньев на проблеме кадров; упрощение и сокращение партийного аппарата.

В рамках последнего направления в 1930 г. (по сравнению с 1928 годом) штаты ЦК сократились с 534 до 345 сотрудников, т.е. на 36 %. Штаты ЦК компартий союзных республик, крайкомов и окружкомов – на 28,8 %. В ходе этой перестройки численность партийного аппарата была уменьшена в среднем на 10,1 %. Однако за счет сокращения штатов и расходов по высшему и среднему звену увеличился штат партийного аппарата низового уровня: штаты райкомов и сельских партячеек увеличились на 14,8 % и фабрично-заводских партячеек – на 3,1 % [3, с. 115].

В начале 1930 года проводят реорганизацию своего аппарата региональные партийные органы. В их структуре создаются четыре функциональных отдела: оргинструкторский, агитации и массовых кампаний, распределения кадров, культуры и пропаганды. С ликвидацией постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июля 1930 года округов ЦК нацкомпартий, обкомы и крайкомы партии стали непосредственно руководить районами. При этом подавляющую часть работников относительно небольшого по численности аппарата (в 1930 году в Сибирском крайкоме партии числился всего 41 штатный работник) составляли инструкторы. Однако именно инструкторский состав рассматривался наиболее слабым звеном как по уровню общей и профессиональной подготовки, так и в силу частой сменяемости. Согласно научно-популярному исследованию

В.К. Белякова и Н.А. Золотарева, партийные комитеты в качестве меры по укреплению инструкторских кадров расширяли практику внештатного инструктирования, привлекая к данной деятельности работников на общественных началах [7, с. 56-58]. Данное обстоятельство объясняет практическую заинтересованность руководства региональных парткомов в институте внештатных инструкторов (так, некоторые региональные партийные комитеты даже утвердили специальное положение о работе общественных инструкторов). Уже в 1930 году в Ленинградском обкоме работало 147 внештатных инструкторов, в обкоме Центрально-Черноземной области – 72 [8, с. 82, 96].

С ликвидацией округов и реорганизацией районов претерпела изменения структура партийных органов и в городском звене. В городах с населением не менее 50 тысяч человек создавались горкомы партии. При этом в центрах областей, краев, республик местные городские районные комитеты подчинялись непосредственно региональным парткомам. Только в 1932 году во всех крупных городах страны были созданы горкомы как связующее звено между районными комитетами в городах и региональными парткомами [7, с. 59]. Работа их аппарата строилась по функциональному признаку: отделы, как и в сельских райкомах, в основном, не создавались, а утверждались руководители по основным направлениям.

Именно в городских (а не сельских) партийных комитетах нашла наибольшее применение практика использования внештатных инструкторов. Более того, исследователи отмечали ситуации, когда внештатные инструкторы из числа партийного актива городов республиканского подчинения (Сталинграда, Саратова, Ульяновска) оказывали помощь сельским райкомам пригородных зон [4, с. 385].

При сравнительно малочисленном аппарате (на Украине на инструктора горкома приходилось 70 ячеек в среднем) ставка делалась на более широкий и компактно проживающий партийный актив. Так, в Харь-

кове (27700 коммунистов в 359 ячейках и 530 партгруппах) было подобрано 260 внештатных инструкторов. Кроме того, насчитывалось чуть более тысячи партийных активистов, привлекавшихся к работе во временных комиссиях для различного рода обследований и подготовки вопросов на обсуждение горкома [7, с. 60].

В 1934 г., в соответствии с решениями XVII съезда ВКП(б), произошла организационная перестройка структуры партийного аппарата по производственно-отраслевому принципу. Она предусматривала создание отделов по основным отраслям народного хозяйства и культуры на уровне ЦК ВКП(б) и региональных парткомов. В соответствии с логикой такого организационного построения, в отделах партийных комитетов сосредотачивалась вся работа в целом по данной отрасли: на порученном участке каждый из них занимался организационно-партийной, агитационной работой, распределением и подготовкой кадров, производственной пропагандой, наблюдал за выполнением партийных решений нижестоящими органами власти. Тенденция развития аппарата в этом направлении проявилась задолго до съезда, теперь она получила свое логическое нормативное закрепление: производственно-отраслевой принцип строения партийного аппарата был закреплен в новом Уставе ВКП(б).

В целях приближения к производству в райкомах и горкомах партии (кроме горкомов и горрайкомов крупнейших городов) вместо упраздненных отделов вводились должности разъездных ответственных инструкторов. Каждый из инструкторов прикреплялся к определенной группе первичных организаций, занимаясь всем комплексом вопросов партийной работы. В качестве инструкторов назначались члены райкомов и горкомов, а их работой руководил секретарь комитета и его заместитель [7, с. 73].

В аппарате многих горкомов партии пришлось вскоре восстановить отделы. В частности, в феврале – марте 1935 г. в 63 горкомах страны для целенаправленной и скоординированной кадровой политики были учреждены отделы партийных кадров; в 1936 г. в горкомах появляются

промышленные и советско-торговые отделы; отделы культуры и пропаганды реорганизируются в отделы партийной пропаганды, агитации и печати, а также отделы школ и культурно-просветительной работы [4, с. 385]. Штатные подразделения стали необходимым каркасом для организационного развития института внештатной активности.

На XVIII съезде ВКП(б) (1939 год) было принято решение о ликвидации многих производственно-отраслевых отделов на всех уровнях партийной иерархии. А.А. Жданов, выступавший с отчетным докладом об изменениях в Уставе ВКП(б), подверг критике прежнюю модель построения партийного аппарата: «Производственно-отраслевые отделы ныне не знают, чем им, собственно, надо заниматься, допускают подмену хозорганов, конкурируют с ними, а это порождает обезличку и безответственность в работе... Тезисы ЦК направлены к тому, чтобы сократить количество отделов. А товарищи идут на расширение отделов, предлагают учредить новые отделы вроде отдела здравоохранения, отдела стахановского движения (смех в зале). Это предложение необходимо опровергнуть» [9, с. 55, 58, 65].

Вновь на некоторое время был восстановлен функциональный признак как главный в построении партийного аппарата. О.В. Хлевнюк связывает данные изменения с перераспределением властных полномочий на союзном уровне от партийных инстанций к государственным: «Аппарат ЦК, отвечавший за идеологические и кадровые вопросы, был почти полностью отстранен от решения экономических проблем. Существенно возросло значение аппарата СНК, сосредоточенного на хозяйственной сфере» [10, с. 441]. Кульминацией данной тенденции стало назначение И.В. Сталина председателем советского правительства в мае 1941 года.

Однако с началом Второй Мировой войны были воссозданы многие производственно-отраслевые отделы (Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1939 г. были созданы промышленные отделы на региональном уровне и в горкомах партии, XVIII партконференция в феврале

1941 г. признала необходимым иметь несколько секретарей горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, занимающихся вопросами промышленности соответственно ее отраслям), а партийный аппарат стал строиться на основе сочетания производственно-отраслевого признака (как главного), так и функционального [3, с. 121].

Определенную роль в развитии института внештатных инструкторов сыграл и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Данный нормативный акт воспрещал практику вызовов с производства в рабочее время рабочих и служащих для выполнения общественных поручений, для участия в следственных комиссиях и бригадах. Рабочие и служащие предприятий и учреждений должны были выполнять поручения общественных организаций только в нерабочее время [11; 12].

В соответствии с данным Указом был перестроен и порядок работы аппарата местного парткома. Партийные функционеры отмечали, что в новых условиях самостоятельно силами только штатных работников изучить какой-либо вопрос на нескольких предприятиях не получается. Это предполагало расширение практики использования членов пленума местного парткома в порядке выполнения общественных поручений: «Только привлечение актива даст возможность оперативно и глубоко подготовить вопрос к обсуждению. К подготовке вопросов на бюро и пленуме райкома сейчас мы стали привлекать не только членов пленума, но и районный партийный актив» [13, с. 31; 14]. Секретарь Ленинского райкома ВКП(б) г. Москвы Н. Суровой в порядке «обмена опытом» отмечал изменение в практике работы и внештатных инструкторов: «Если раньше внештатные инструкторы частенько выполняли поручения райкома в свои рабочие часы, то сейчас занимаются этим только в нерабочее время. Практика показывает, что это не понизило активность внештатных ин-

структоров (внештатные инструкторы и активисты одного только оргинструкторского отдела побывали в первичных парторганизациях, провели обследования, разбирали различные заявления)» [15, с. 28].

Следующей формой партийной работы на общественных началах при партийных комитетах стала деятельность в качестве внештатных лекторов и пропагандистов. Согласно диссертации В.И. Ткачева, к концу 1934 года при крайкомах были сформированы лекторские группы. Они стали основой для привлечения более многочисленного внештатного агитационно-пропагандистского актива. Так, в Саратовском крайкоме в ноябре 1934 г. была создана штатная лекторская группа из 22 человек. При этом численность утвержденных на бюро крайкома внештатных лекторов и пропагандистов к февралю 1937 г. составляла 47 человек. Фраза диссертанта о том, что «теперь партийные комитеты могли более свободно ориентироваться в подборе опытных лекторов и докладчиков» [4, с. 632], видимо, означает следующее: внештатный актив использовался и как резерв для последующего выдвижения по «пропагандистской линии».

Начиная с 1938 г., в условиях централизации и идеологизации партийной пропаганды и агитации лекторские группы вели не только лекционную деятельность, но и помогали местным парткомам осуществлять контроль за идейным содержанием лекционной работы и изучать опыт ее проведения. Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде А. Маханов отмечал данную практику, подчеркивая место внештатных работников в ней: «В большинстве райкомов каждой лекции предшествует большая подготовительная работа. Райкомы перед каждой лекцией собирают своих внештатных инструкторов, представителей первичных парторганизаций, лекторов и работников отдела пропаганды. На этих совещаниях обсуждаются организационные вопросы подготовки к лекциям и тезисы лекций» [16, с. 50].

Непосредственным механизмом, позволявшим привлекать активистов к партийной работе на общественных началах, стала практика обя-

зательных партийных поручений. Выполнение коммунистами поручений в порядке «партнагрузки» (т.е. в результате профессиональной социализации) рассматривалось как необходимое условие попадания в резерв для освобожденной работы в аппарате парткома. «Надо решительно прекратить огульное зачисление в резерв всей массы коммунистов, выполняющих те или иные партийные поручения. Надо подходить строго индивидуально, изучая не только партийные документы товарища, его социальное происхождение, но и его политическое развитие, партийную выдержанность, культурный уровень, – отмечал один из партийных функционеров г. Ленинград. – При подборе резерва для выдвижения надо внимательно учитывать и ту работу, на которой товарищ в данный момент находится, его отношение к этой работе, интересы и стремления (не обязательно кандидаты пригодны для партийной работы)... Товарищам, выдвинутым в резерв, райком давал поручения, относящиеся к компетенции парткома» [17, с. 30].

Вероятно, институт внештатных работников (особенно инструкторов) помогал представителям партийного аппарата более профессионально осуществлять непосредственный контроль за деятельностью территориально «подведомственных» парткомам предприятий и заодно готовить кадры индустриального сектора к партийной работе. Об этом свидетельствует начало тенденции технократизации партийного аппарата. В частности, Н.В. Саранцев косвенно отмечает существовавшие с середины 1930-х годов требования региональных партийных функционеров рекрутирования на партийную работу лиц со средним и высшим техническим образованием [18, с. 374]. Однако данная тенденция ограничивалась неравенством существовавших материальных благ: оплата труда ответственных партийных работников местного уровня в целом уступала оплате труда специалистов народного хозяйства на прямом производстве [19, с. 170-171].

Внештатные работники при рекрутировании на работу в аппарат местных парткомов имели важное конкурентное преимущество, а именно - опыт профессиональной социализации, полученный за счет выполнения функций и задач штатных работников. Это выгодно отличало их от т.н. «выдвиженцев» (особенно в вариантах «рабочие от станка» и «крестьяне от сохи») 1920-х годов.

Поэтому следует согласиться с мнением некоторых исследователей, считающих вторую половину 1930-х годов окончанием начавшейся в начале прошлого десятилетия практики выдвиженчества: «Выдвиженчество окончательно перестало быть самостоятельным направлением советской кадровой политики и слилось с повседневной кадровой работой партийных организаций, ориентированной уже на более тщательный и индивидуальный отбор кандидатов на вакантные должности в партийный аппарат, изучение их деловых качеств» [20, с. 49, 74].

Данная точка зрения подтверждается и опубликованными источниками. Так, секретарь Октябрьского райкома ВКП(б) г. Ленинграда Ф. Дименштейн на страницах журнала «Партийное строительство» за 1939 г. отмечал: «При подборе работников отдела кадров райкома мы особое внимание обращали на то, чтобы товарищ был хорошо знаком со специфическими особенностями той группы предприятий, с кадрами которых ему придется работать. При подборе инструкторов в аппарат райкома мы изучили состав внештатных инструкторов райкома партии и лучших из них выдвинули на работу в отдел райкома партии» [21, с. 45].

Таким образом, развитие института внештатных работников вызвано потребностями сохранить (в условиях сокращения штатов на рубеже 1920-1930-х годов) и укрепить (после реорганизации 1934 года) влияние партийного аппарата в системе управления народным хозяйством. Этим обстоятельством объясняется востребованность партийного аппарата во внештатной активности вне зависимости от целей изученных организационных перестроек 1930-х годов.

Применительно к изучаемому периоду наиболее распространенными формами внештатной активности в деятельности аппарата местных парткомов были инструкторская, лекторская и пропагандистская работа достаточно ограниченного круга городских активистов, выполнявших свою деятельность в порядке «партийной нагрузки» под руководством представителей штатных подразделений. Институт «общественных начал» пока не предусматривал создание более сложных организационных форм – внештатных структурных подразделений (отделов, постоянных комиссий). Тем более не шла речь о функциональной замене внештатными работниками представителей партийного аппарата. Деятельность внештатных работников сводилась к обеспечивающей работе, в основном, технического и организационного характера. При этом они рассматривались как резерв (при этом не обязательно из членов выборного партийного органа) для выдвижения на ответственную работу в аппарат местных органов политической администрации.

Список использованных источников

1. Белоногов Ю.Г. Институт общественных начал в эволюции элит-массовых отношений в СССР в 1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 23-30.
2. Устав КПСС. Утвержден XXII съездом, частичные изменения внесены XXIII и XXIV съездами. М.: Издательство политической литературы, 1972. 128 с.
3. Малейко Л.А. Из истории развития аппарата партийных органов // Вопросы истории КПСС. 1976. № 2. С. 111-122.
4. Ткачев В.И. Формирование механизма партийной власти в советской политической системе. Октябрь 1917-1930-е годы: на материалах Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2006. 763 с.
5. Китаев С.В. Номенклатура как субъект социально-политической трансформации современной России: дис. ... канд. полит. наук. Волгоград, 2007. 207 с.
6. Железин В.И. Общественные начала в партийной работе на современном этапе // Вопросы истории КПСС. 1965. № 6. С. 11-22.
7. Беляков В.К., Золотарев Н.А. Организация удесятаряет силы. Развитие организационной структуры КПСС, 1917-1974. М.: Издательство политической литературы, 1975. 190 с.
8. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л.: Госиздат, 1930. 782 с.
9. Жданов А.А. Изменения в Уставе ВКП(б) // Партийное строительство. 1939. № 7-8. С. 40-69.
10. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
11. Партийное строительство. 1940. № 11-12. С. 8.

12. О контроле над проведением в жизнь Указа Президиума ВС СССР от 26 июня (передовая) // Партийное строительство. 1940. № 15-16. С. 6.
13. Иваненко П. Райком и первичные парторганизации // Партийное строительство. 1940. № 18. С. 31- 33.
14. Шустер Л. Заметки инструктора // Партийное строительство. 1940. № 21. С. 48.
15. Суровой Н. Как строится работа райкома партии // Партийное строительство. 1940. № 18. С. 25- 30.
16. Маханов А. Организация лекций в Ленинградской парторганизации // Партийное строительство. 1939. № 11. С. 48-51.
17. Пиндюр И. Воспитание резерва партийных кадров // Партийное строительство. 1936. № 1. С. 29-34.
18. Саранцев Н.В. Большевистская партийно-политическая элита: возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х – конец 1930-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002. 448 с.
19. Долженкова Е.В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы: на материалах Курского края: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 195 с.
20. Новосельцева Т.И. Выдвиженчество в кадровой политике советского государства в 1920-1930-е годы (на материалах Смоленской области): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2008. 263 с.
21. Дименштейн Ф. Подбор и изучение кадров в районе // Партийное строительство. 1939. № 17-18. С. 45-46.